

Ван Шэн посидел немного у ручья и решил, что в нынешнем виде люди из клана Чэнь его точно не узнают, а значит, он в безопасности.

Ван Шэн вспомнил, что уже несколько дней не практиковался, и на душе стало тревожно. С четырех лет под руководством деда он занимался ежедневно, ни дня не давая себе поблажки. Хотя он уже достиг стадии построения фундамента, времени прошло мало, и основа была еще зыбкой. Слишком рискованно было пытаться поглотить пилюлю Юаньин в таком состоянии, поэтому первоочередной задачей было усиленное совершенствование, чтобы как можно скорее интегрировать пилюлю в свое море сознания.

Ван Шэн набрал воды, вернулся в полуразрушенный храм и отправился собирать хворост — вечером он был необходим и для кипячения воды, и для обогрева. На обратном пути с охапкой дров он встретил хромого старика, который тоже тащил вязанку.

Ван Шэн забрал у него хворост и, неся обе вязанки, зашагал обратно. Старик пытался возражать, но, видя упорство юноши, поплелся следом, ворча:

— Ты ведь ранен, беречься надо. В эти дни к воде не подходи, да и на солнце побольше бывай...

Вечером все ужинали паровыми булочками, которые принес Главарь.

Обезьяна за день выпросил одну медную монету. Все собранные подаяния хранились у старика Лайтоу, так как только он умел считать и немного разбирался в грамоте.

Старики с воодушевлением выложили все свои сбережения — двенадцать монет. Они пересчитывали их снова и снова, прикидывая, что через пару дней, когда наберется пятнадцать, они пойдут в город, купят фунт мяса и устроят себе пир.

Пока они возились с деньгами, старики не забывали подлизываться к Главарю, а тот, довольный, довольно шурился, слушая их лесть. Ван Шэн молча подкладывал дрова в огонь.

Ночью, когда храм наполнился храпом, Ван Шэн тихо поднялся и на цыпочках вышел наружу. В густой тьме он легко взбежал на гору, нашел ровную открытую площадку и, сев в позу лотоса, начал медитировать. Только чувствуя привычную колющую боль в меридианах и море сознания, он обретал душевный покой.

Ван Шэн не знал, что стоило ему покинуть храм, как Главарь открыл глаза и бесшумно последовал за ним. Увидев, как юноша выбрал место и погрузился в практику, Главарь некоторое время понаблюдал и тихо удалился.

Он направился в другую часть горы, нашел себе подходящую площадку, осмотрелся и остался недоволен, проворчав себе под нос:

— Вот ведь гаденыш, тупица эдакий, занял мое место, теперь мне новое искать приходится.

На рассвете Ван Шэн вернулся с огромной вязанкой дров, перевязанной травяной веревкой. Старики, решив, что он с самого утра ходил за хворостом, очень обрадовались.

Старик Лайтоу сказал:

— Раз уж тупица дров натаскал, Хромой, пойдешь сегодня с нами просить милостыню. Выставишь свою больную ногу напоказ, сядешь у городской стены — вид у тебя самый подходящий.

Хромой тоже приободрился, похлопал себя по хромой ноге и ответил:

— Решено! Сегодня вы еще увидите, на что я способен.

Три старика, перебивая друг друга, направились в сторону города:

— Хорошо бы сегодня три монеты набрать, тогда и мясо купим.

— Да что уж три, надо просить пять — тогда еще и редьку к мясу возьмем, наварим похлебки.

— Точно, отличная мысль!

Старики ушли, Главарь тоже куда-то запропастился. Ван Шэн остался в храме один, но это его только порадовало: он прибрал сено, уселся поудобнее и принялся за тренировку.

К вечеру он сходил к реке за водой, а вернувшись, застал стариков в приподнятом настроении — они принесли кусок мяса, завернутый в лопух. Старики тут же принялись за готовку, сварив мясо в глиняном горшке. Обезьяна вытащил из-за пазухи пучок дикого лука, который нашел по дороге, и бросил в котел. Хромой достал из-за жертвенного столика сушеные грибы, найденные во время сбора дров. Старик Лайтоу рассыпался в похвалах, нахваливая товарищей за хозяйственность.

Ван Шэн, поддавшись общей атмосфере, впервые за долгое время расслабился и даже слегка улыбнулся. Аромат мясной похлебки плыл по храму.

— Как же пахнет! Вкусотища, даже лучше, чем в ресторане Лайфу! — старики то и дело сглатывали слюну, поглядывая на выход — они ждали Главаря.

Наконец, показался Главарь. Обезьяна засуетился, разливая похлебку по щербатым мискам — Главарю положили побольше мяса, остальным поровну. Войдя в храм и почуяв запах еды, Главарь с довольным видом опустил на свою подстилку, отпил бульона и начал раздавать большие паровые булочки. Старики забыли про лесть и с жадностью накинлись на еду — для них это был настоящий праздник, вкуснее любого ресторанного блюда.

Ночью Ван Шэн снова повторил свой маневр: дождавшись, пока все уснут, он легко поднялся на гору. Главарь, как и прежде, незаметно последовал за ним. Ван Шэн занял то же место, а Главарь снова остался недоволен тем, что его любимая площадка занята.

Так прошло еще десять с лишним дней. Рана на правой щеке Ван Шэна почти зажила: корочки отпали, открыв розовую молодую кожу, хотя лицо стало неровным и покрылось шрамами.

Однажды утром Ван Шэн принес длинную прямую палку и уселся у огня, обстругивая ее. Хромой заметил:

— Хорошая палка, длинная и прямая. Прямо как та, о которой сказители в чайных рассказывают — не иначе как посох для избияния собак...

Вечером Ван Шэн взял палку с собой на гору — он решил совместить внутреннее совершенствование с упражнениями с оружием. Его движения были четкими и мощными. Через некоторое время на кончике палки вспыхнул белый огонек — крошечный лучик надежды, осветивший изуродованное лицо юноши. Ван Шэн смотрел на этот свет с небывалой любовью, глаза его повлажнели, и он принялся тренироваться с еще большим усердием.

Главарь, спрятавшись в тени деревьев, пробормотал:

— А он ведь уже на стадии построения фундамента.

На следующее утро, спускаясь с горы с дровами, Ван Шэн нес с собой еще одну палку — покороче и с веточками на конце, похожими на рукоять. Весь день, пока он был один в храме, он старательно обтачивал дерево. К вечеру он отполировал поверхность, придал верхушке форму округлой рукояти и даже вырезал на ней узоры, напоминающие чешую и глаза дракона. Пусть мастерство было далеко от профессионального, результат выглядел достойно.

Вечером он преподнес свой подарок Хромому. Тот заволновался, не зная, что сказать:

— Тупица, это мне? Какая красота! Я боюсь сломать такую вещь... Это что, голова дракона? И палка такая прямая... Может, оставишь себе?

Ван Шэн лишь повторил:

— Дядя Хромой, это подарок, принимай. Мне она без надобности.

После недолгих уговоров Хромой с радостью принял посох, который больше напоминал змеиную голову. На глазах у Главаря и остальных стариков он с гордым видом расхаживал по храму, опираясь на новую палку. Старик Лайтоу и Обезьяна тоже взяли свои посохи, и они начали наперебой хвастаться друг перед другом, пытаясь изобразить важных господ из города.

Ван Шэн, глядя на них, довольно улыбался. Главарь, поддавшись настроению, тоже взял посох и прошелся по храму, играя роль важного вельможи. Веселый смех еще долго разносился по округе.